

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 245–253.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 245–253.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-245-253

СЛОВО ПРОТИВ ХАОСА ВЛАДИМИРА КАНТОРА

Рецензия на книгу: Кантор В. К. Русская литература, или Слово против Хаоса — классика и современность / В. Кантор. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. — 464 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

Анна Андреевна Волкова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
aavolkova_14@edu.hse.ru

Благодарности: Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Волкова А. А. Слово против хаоса Владимира Кантора // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 245–253. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-245-253>.

Academic Life. Reviews

WORD AGAINST CHAOS BY VLADIMIR KANTOR

Book review: Kantor V. K. Russian Literature, or Word Against Chaos — Classics and Modernity / V. Kantor. — Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2021. — 624 p. (Series “Russian Propylaea”)

Anna A. Volkova

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, aavolkova_14@edu.hse.ru

Acknowledgments: The review was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Volkova, A.A. (2022) ‘Word Against Chaos by Vladimir Kantor’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 245–253. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-245-253.

Книга Владимира Карловича Кантора — это в буквальном смысле слово против хаоса. Она начинается с пушкинского призыва «на попроще ума нельзя нам отступать», и этот призыв красной нитью проходит сквозь всю книгу, на страницах которой разворачиваются настоящие баталии слова и разума с хаосом и безумием.

«Русская литература, или Слово против Хаоса — классика и современность» является работой, которую нельзя назвать только литературоведческой, или исторической, или филологической, или философской. Она вмещает в себя практически весь спектр гуманитарного знания, даже автобиографические сведения, пытаясь проникнуть в самую суть человеческой природы. В аннотации к книге сказано, что «Владимир Кантор <...> избирает темой своего исследования сопряжение литературы с философией». На мой взгляд, это не совсем так. Владимир Карлович действительно уделяет значительное внимание как заимствованным, так и самостоятельным философским идеям в русской литературе, а также их взаимному влиянию. На страницах его книги можно встретить имена таких философов, как Платон, Августин, Макиавелли, Руссо, Кант, Кьеркегор, Ницше, Камю, Хайдеггер, Шопенгауэр, Лебон, Ортега-и-Гассет, Канетти и другие. Русская литература возникала в философском контек-

сте их идей, становясь частью этого контекста и зачастую ведя с ними диалог. Однако анализ данного взаимопроникновения является скорее методологией, которая позволяет автору решить ряд наиболее волнующих его проблем.

Проблемы, исследуемые Владимиром Карловичем через тексты русских писателей и поэтов, можно условно разделить на три группы. Первая включает в себя взаимодействие России и Европы, участие нашей страны в европейской и мировой культуре, а также судьбу и путь России, ее принадлежность к Европе. Во второй группе анализируются такие явления как массы, вождизм и идеологии, которые поставили в XX веке под угрозу существование цивилизации и человека и явили собой то поле битвы, где слово и разум противостоят творящемуся вокруг хаосу и безумию, стремясь сохранить человека и человеческое. Третья группа проблем — это собственно ответ на вопрос, что же есть человек и человеческое. Здесь автор соотносит свободу и разум, свободу и ответственность, рассуждает о нравственности и нравственных идеалах, поднимает проблему веры во Христа как центра духовной жизни человека.

Выделенные нами проблемные группы автором в книге структурно никак не разделяются и отдельно не обозначаются. Они разбросаны по всему тексту, где-то переплетаясь, где-то снова концентрируясь вокруг одного более узкого вопроса. В то же время сам текст состоит из двух частей. В первой Владимир Кантор проводит самостоятельное исследование текстов классиков, среди которых Пушкин, Чернышевский, Чехов, Степун, Вейдле, Ходасевич, Достоевский, Пастернак. Помещая их в исторический и философский контексты, Владимир Карлович дополняет исследование биографическими сведениями о собственной семье, которая являлась непосредственным свидетелем и участником многих культурно-исторических событий и катастроф XX века, и в особенности главной катастрофы — Второй мировой войны. Последней даже посвящена отдельная глава. Наличие этих биографических сведений делает как автора, так и читателя ближе к описываемым событиям, позволяя их лучше понять и прочувствовать. Структурно и логически главы первой части не сильно связаны и скорее похожи на «сборник» отдельных исследований и рассуждений автора.

Однако они связаны проблемно и в своей последовательности напоминают борьбу слова с хаосом: слово Пушкина, хаос Второй мировой войны, слово Достоевского и его пророческое предвещание апокалипсиса, хаос масс и вождей в безумии фашизма и большевизма, слово Чернышевского и его «новые люди», слово Чехова в борьбе с хаосом идеологий и т. д.

Однако не все те, кто мастерски владеют словом, являются сподвижниками света и разума. Есть и такие, чье слово, часто неосознанно, не борется про-

тив хаоса, а, наоборот, становится его сподвижником и катализатором. К этим авторам Владимир Карлович относит Толстого, Шестова, Ницше. С отсылкой к Бердяеву Кантор видит в нигилизме Толстого, который не верил в чудо Воскресения Христа, отрицал высокое искусство и культуру, в особенности европейскую, а также церковь и государство, причины будущего хаоса, где нигилизм, дойдя в России до крайности, вылился в терроризм, убийство царя-освободителя и большевистскую революцию. Шестов тоже отрицает, но еще радикальнее, — он отрицает разум, призывая от него отказаться во имя свободы. Кантор цитирует И. Федотова: «Шестов ведет героическую борьбу с разумом и добром (с идеализмом), в которых видит самых страшных врагов человеческой свободы», и далее сам продолжает: «Достоевский же говорил, что христианство требует от человека свободы и ответственности. Вот ответственности Шестов и не хотел. А это неразрывная пара понятий, и одно не мыслимо без другого» (с. 157). Шестов, обвиняя Бога во всех человеческих несчастьях, поднимает против него и его законов — нравственных и законов природы — бунт. В своем бунте он ложным образом опирается на «Записки из подполья» Достоевского, видя в русском писателе великого бунтовщика: «Шестов принимает мысли героя за мысли автора, увы!» (с. 152). Однако для Достоевского нарисованный им противник разума есть антигерой. Кантор отмечает, что Шестов был не единственным, кто впал в подобное заблуждение: «На беду писателя, читатели и критики приняли речь Парадоксалиста всерьез, не учитывая, что выход из этого нравственного кошмара для Достоевского один — Христос. Говоря о богохульстве своего героя, Достоевский, на мой взгляд, шел за Кантом, говорившем о человеке как кривом дереве» (с. 155).

Философия отчаяния Шестова в части утверждения принципиального одиночества человека в мире и отказа от нравственного закона близка экзистенциальной философии Ницше. Однако Ницше не отказывался от разума. Он сделал его автономным источником морали для каждого отдельного человека. То есть он отказался только от традиционного понимания нравственного закона, заложенного в христианстве. Забрав роль законодателя у Бога, Ницше отдал ее человеку, поверив в то, что тот сможет стать Сверхчеловеком и самостоятельно через собственный разум наделять жизнь смыслом, в то время как Шестов считал, что разум перед такой задачей бессилён. Они оба стремились, отказываясь от христианства и трансцендентной морали, утвердить свободу для человека, однако в истории утвердился лишь произвол. Владимир Карлович замечает, что и фашизм, и большевизм боролись с христианством. Ницше не пришлось стать свидетелем ни того, ни другого, однако Шестов, «увидев победу иррационализма в России, победу большевизма, обвинил в этом Бога

как носителя зла» и критиковал большевиков за то, что они «не верят в знание, не верят даже в ум». «Поразительно, — пишет В. Кантор, — что, вроде бы видя в рацио главного врага человека и его свободы, Шестов на самом деле в ужасе от иррационализма» (с. 159). По мнению автора, победа большевиков и иррационализма сделалась возможной потому, что русский народ оказался не христианским и сам же, часто без приказов сверху, разрушал храмы, покусившись на, казалось бы, самое святое. Таков русский нигилизм.

В Ницше Шестов видел продолжателя Достоевского, но, рефлекслируя схожие проблемы — кризис христианства, «восстание масс» и возрождающийся интерес к язычеству, — два этих великих мыслителя, как пишет В. Кантор, решали их по-разному:

Ницше философствовал молотом, переоценивая все ценности, а большей частью сокрушая их, сформулировав, строго говоря, две оказавших влияние идеи, — сверхчеловека и волю к власти <...>. Достоевский не искал неведомого сверхчеловека, видя, что в истории таковой уже состоялся (Христос), он опирался на этот конкретный идеал, который не укореняется как норма жизни в массе человечества, но указывает вектор движения, некую возможность, которая каждый раз может вытащить человечество из очередного исторического провала.

(С. 199)

Крайне важно, и это отдельно отмечает Владимир Карлович, что Христос является идеалом, который указывает только направление движения. В этом и заключается трансцендентная суть христианства, принципиально отличающая его от идеологий, которые обещают построить «рай на земле» и им же оправдывают насилие, применяемое для укоренения некоторой нормы поведения в массах. Противником идеологий был и анализируемый в 7-й главе рецензируемой книги Антон Павлович Чехов: «В надвигающуюся эпоху идеократий, каждая идеология объявляла свое учение окончательной и настоящей правдой. Писатель предложил ответ. “Никто не знает...”» (с. 120). Чеховский ответ напоминает сократовское убеждение в собственном незнании, которое он противопоставлял засилью софистического мнения, заменившего знание. Это сократовское убеждение не есть скептический отказ от познания. Оно есть отказ от чувства гордыни, которым преисполняются «знающие» люди, а также постоянное сомнение, которое, наоборот, подвигает стремиться к знанию, никогда не останавливаясь на проделанном пути. Оно напоминает о необходимости различать мнение и знание, не выдавая первое за второе, о том, что

путь к знанию — всегда индивидуальный. Это убеждение есть подлинная любовь к мудрости во всех ее проявлениях.

Однако эпоха идеократий всё-таки состоялась. В книге братьев Стругацких «Трудно быть богом» есть замечательный диалог:

— Я боюсь тьмы.

— Темноты?

— Темноты тоже. В темноте мы во власти призраков. Но больше всего я боюсь тьмы, потому что во тьме все становятся одинаково серыми.

[Стругацкий А., Стругацкий Б., 1992, с. 197]

Кажется, в эпоху идеократий тьма смешалась с темнотой, опустившись на человечество, и одной из причин этого стали бездуховные серые массы, вышедшие на сцену истории в качестве главных действующих лиц. В. Кантор посвящает явлению масс отдельную главу, в которой опирается на теории Лебона, Ортега-и-Гассета, Канетти. «Большую частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами и даже чувствует себя при этом покинутой» (с. 80). Этим пользовался Гитлер, опираясь на психологию масс, этим пользуются все вожди масс. Вождь — это тот, кто «без колебаний переступает мистическую черту, отделяющую жизнь от смерти» (с. 83), кто убежден в том, что он тварь, правоимеющая, а не дрожащая. Особенно интересным в указанной главе представляется анализ большевистской революции при помощи образов, используемых Канетти в его теории масс. Так, В. Кантор сравнивает Ленина с черепом, где череп символизирует способность без всяческих колебаний перейти ту самую мистическую черту: «Главный череп как владыка других творит всё новые и новые» (с. 86). И второй значимый термин, заимствованный Кантором у Канетти, — это термин «выживший», или «переживший», в котором возникает символ мавзолея. «Главный мертвец в стране, даже не мертвец, а выживающий, выживший, когда остальные умерли» (с. 87), выжил, окончив, или даже продолжив, свой путь в мавзолее. Темноте «живой смерти» может противостоять только свет «живой жизни», который каждый должен сохранять в себе — через Слово, Веру, Любовь. Не потому, что свет когда-либо сможет окончательно победить:

По убеждению Достоевского, Христос в этом мире, как я уже говорил, победы не имеет. И это нисколько не противоречит евангельским текстам, где Христос исцеляет и воскрешает. Речь ведь идет о возможности окончательной победы над злом в сем мире. А тут он бессилен. Как я полагаю, в Евангелии на-

писан великий смысл — на все времена: добро всегда унижено и распято, оплевано народом, тем народом, к которому доброе нисходит, более того, на Земле Его победа и невозможна. «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36).

(С. 193)

Каждый должен сохранять в себе свет, потому что это единственный способ не дать тьме его поглотить и одержать окончательную победу над Человеком.

Еще одна важная и очень актуальная сегодня проблема, затрагиваемая автором, — взаимоотношение России и Европы. Здесь В. Кантор последовательно придерживается позиции, выраженной им в книге «...Есть европейская держава»: Россия, трудный путь к цивилизации» (1997): «Если Россия не европейская держава, то ее путь ведет в никуда» (с. 13). Эта позиция им обозначается в интервью аргентинскому изданию “Zona Clarin”, помещенному в самом начале книги. Он заявляет: «Начало этому процессу было положено крещением Владимиром Святым в X веке своих поданных в христианскую веру, то есть религию европейскую. Петр просто вернул Россию к ее началу». Помимо Петра для автора крайне важна фигура Александра Пушкина. В. Кантор цитирует Д. Мережковского: «В сущности, Пушкин есть донныне единственный ответ, достойный великого вопроса об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию» (с. 25). Под лозунгом «с веком наравне» Пушкин несет в Россию Просвещение — именно через него Кант проникает в Россию. Он не осуждает «чужое», в отличие от Толстого, а призывает его принять и понять.

«Противопоставляя русскую особость европейской духовности, Толстой думал, что тем самым преодолевает Запад. Пушкин же шел европейским путем, понимая, что это единственная возможность для России» (с. 33). Выбор европейского пути — пути разума — не подразумевает отказ от Родины и нелюбовь к ней. Он подразумевает принятие общечеловеческих ценностей в качестве основы для своих особых национальных ценностей. Условно, французы, будучи европейцами, не перестают быть французами со своими национальными особенностями, самосознанием и культурой. По убеждению Владимира Карловича, такая культурная открытость — есть путь подлинного русского европейца.

«Почвенничество, замыкающее личность в тождестве этноса и страны, есть провинциализм, так сказать, топографический. Но западничество, фетишизирующее современность и прогресс, предстает как провинциализм хронологический» [Аверинцев, 2002, с. 10], — цитирует В. Кантор С. Аверинцева, и с этой цитатой сложно не согласиться. Стоит добавить, что не только Россия

не должна отрешиваться от Европы, но и Европа во имя своих ценностей не должна отрешиваться от России, потому что судьба европейской цивилизации зависит от судьбы России — так было в Отечественную войну 1812 года, во Вторую мировую войну и будет в любых кризисных ситуациях.

Вторая часть книги, в отличие от первой, задумана как сборник. Здесь собраны когда-то опубликованные и некоторые ранее неопубликованные отклики автора на труды его коллег-современников и друзей, зарубежных и отечественных, среди которых Каролина де Мэг-Соеп, Леонид Люкс, Сергей Аверинцев, Анджей де Лазари, Томаш Гарриг Масарик, Ассен Игнатов, Диана Томпсон, Николай Голуб, Максим Светланов, Владимир Кормер и многие другие: поэты, писатели, художники, политики, ученые, философы. Разброс тем очень широк — от женской эмансипации в русской литературе и возможности «третьего пути» для России до вечных тем любви и нравственности, но все они так или иначе затрагивают указанную ранее проблематику, вокруг которой строится книга. Признаюсь, не до конца понятно, какое отношение к проблематике книги имеет отклик на публикацию дневников Фаины Раневской. Однако ее творчество, как и всех других талантливых людей, чьи имена упоминаются во второй части книги, образует исторический, культурный и интеллектуальный «рельеф» времени, в котором они творят. Книгу завершают две статьи, посвященные юбилеям Ивана Бунина и Федора Степуна.

Книга В. Кантора слишком широка, чтобы охватить в рецензии весь спектр проблем и тем, которые она затрагивает. Владимир Карлович собирает слова великих, талантливых, уважаемых и признаваемых им людей как пазлы в одну пусть пеструю, но единую картину. В этой картине открывается его собственный взгляд на историю и человека. В. К. Кантор говорит голосами авторов, которых исследует и которым откликается, но в этом многоголосье достаточно отчетливо слышится его собственный голос, взывающий к любви, добру и человечности. Сегодня, когда темнота вновь нависает над светом разума и норовит его поглотить, проблемы, которые поднимает рецензируемая книга, а также поиск их решений, который она осуществляет, оказываются как нельзя актуальными. Поэтому хочется сказать спасибо Владимиру Карловичу за его слово против хаоса, которое нужно как никогда в это непростое время.

Список источников

Аверинцев С. С. «Скворещниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 167 с.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству. Трудно быть богом. Хищные вещи века. Повести. М.: Текст, 1992. 416 с.

References

Averintsev, S.S. (2002) «*Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...*» Vyacheslav Ivanov: *put' poeta mezhdu mirami* ["*The birdhouse of free citizens...*" Vyacheslav Ivanov: *The Path of the Poet between the Worlds*]. St. Petersburg: Aleteiya.

Strugatskii, A., Strugatskii, B. (1992) *Popytka k begstvu. Trudno byt' bogom. Kishchnye veshchi veka. Povesti* [*Escape Attempt. It's Hard to be a God. Predatory Things of the Century. Novels*]. Moscow: Tekst.

Информация об авторе: А. А. Волкова — студентка Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: A. A. Volkova — student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.08.2022;
одобрена после рецензирования 01.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 13.08.2022;
approved after reviewing 01.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022.